

В. Я. Конецкий

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
НЕРЕДИЦКОГО ХОЛМА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Плотно заселенная и хорошо освоенная городская округа с ее многочисленными боярскими и княжескими селами и монастырями играла важную роль в жизни средневекового Новгорода. Особенности размещения населения на этой территории во многом определялись естественно-природными факторами, а именно характером рельефа. Ближайшие окрестности Новгорода представляют собой в ландшафтном отношении плоскую, в значительной степени затопляемую во время весенних паводков равнину, среди которой возвышаются отдельные пологие всхолмления. Их высота над окружающим пространством не превышает 10 м. Именно эти возвышенные участки были основными местами обитания в древности и остаются таковыми в настоящее время.

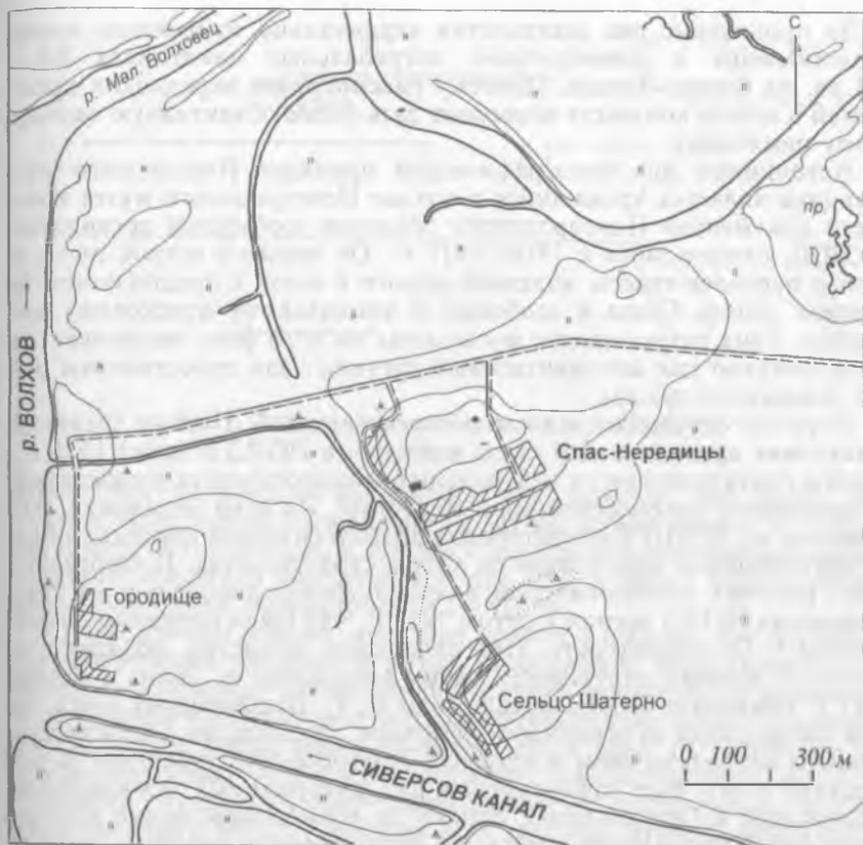
Одним из ближайших к истоку Волхова, по правому его берегу, является Нередицкий холм. Он отделяется речкой Спасовкой (в древности основным руслом Малого Волховца) от Городищенского холма — места древнейшего Новгорода и средневековой княжеской резиденции. Уже само это соседство можно считать косвенным свидетельством значения рассматриваемой территории в древности. В самом конце XII в. на Нередицком холме была построена церковь Спаса — известный памятник новгородской архитектуры и живописи.

Данная статья посвящена обзору археологических материалов древнерусского времени, связанных с Нередицким холмом. Это касается не только истории этого места в период до строительства храма, но имеет практическое значение для разработки охранных зон с целью сохранения культурного наследия и привлечения внимания специалистов-археологов к данному, безусловно, интересному в научном отношении месту.

Нередицкий холм представляет собой неправильной формы возвышенность протяженностью (в границах средней многолетней линии затопления) 600—800 м. Наиболее высокая часть холма с высокими отметками около 30 м, на юго-западной окраине которой и располагается церковь Спаса, имеет размеры 100 × 250 м. Именно с этой территорией и связаны находки древнерусского периода (рис. 1).

Первые сведения о памятниках археологии на Нередицком холме относятся к 1910 г. В вышедшей накануне XV Археологического съезда в Новгороде сводке памятников археологии Новгородской губернии имеется информация, что примерно в 200 м от церкви Спаса, среди поля, расположен распахиваемый «курган» высотой до 1 м.¹ В то время эти сведения не привлекли внимания специалистов.

¹ Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 62.



— церковь Спаса
 • — остатки сопки

Рис. 1. Ситуационный план Нередицкого холма.

Впервые Нередицкий холм оказался в поле зрения археологов в 1916—1917 гг., когда здесь в процессе строительства насыпи железной дороги Петроград—Орел был разрушен древнерусский могильник. Часть богатого вещевого инвентаря погребений удалось собрать. Однако дальнейшие обстоятельства сложились так, что эта находка была основательно забыта. Единственной публикацией, посвященной данному комплексу, является наша небольшая статья, вышедшая в 1977 г.² В конце 70-х годов автором были предприняты раскопки разведочного характера, которые хотя и были ограниченными по объему, но дали интересные результаты.³

² Конецкий В. Я. Нередицкий могильник // Славяно-русская археология. М., 1981. (КСИА; Вып. 164). С. 83—86.

³ Конецкий В. Я. Исследования грунтовых могильников и сопок в Приильменье // АО 1979 г. М., 1980. С. 11—12.

За прошедшие два десятилетия кардинально изменились наши представления о древнерусских погребальных памятниках XI—XII вв. на Северо-Западе. Поэтому рассмотрение нередицких древностей в новом контексте позволяет дать более объективную оценку этому памятнику.

Источником для топографической привязки Нередицкого могильника является хранящийся в архиве Новгородского музея комплекс документов Новгородского общества любителей древностей (НОЛД), относящийся к 1916—1917 гг. Он связан с острой дискуссией о переносе трассы железной дороги в связи с предполагаемой угрозой церкви Спаса и особенно ее уникальному фресковому ансамблю. Тема разрушенного могильника на этом фоне затрагивается лишь попутно как дополнительный аргумент для приостановки работ и переноса трассы.

Коротко ситуация представляется следующей. Первые сведения о находках древних вещей стали известны в НОЛД в конце 1916 г., причём поступили они от центральных археологических учреждений (Московского археологического общества). По всей видимости, независимо от НОЛД Императорской археологической комиссией было организовано наблюдение за ходом строительства. Приобретенные у рабочих археологические находки демонстрировались на трех заседаниях НОЛД весной и летом 1917 г., что было отражено в протоколах.⁴ Отстраненность Новгородского общества объясняется просто — полным отсутствием своих специалистов. Лишь с весны 1917 г. правление НОЛД предложило Н. Г. Порфиридову взять на себя наблюдения за земляными работами, связанными с железнодорожным строительством в пределах Новгородской губернии. В результате этого был зафиксирован ряд разрушенных могильников (Чавницкий и Огорельский), однако на Нередицком холме наблюдения уже были не нужны, так как к этому времени земляные работы в северной части Нередицкого холма прекратились.⁵

Обратимся к вопросу о локализации могильника. Наиболее значимой информацией здесь является указание К. П. Драницына о находках вещей «...в части холма, расположенной на северо-восток от Нередицкого храма, по отходе же работ от этого места в сторону Бронниц никаких следов древних захоронений замечено не было».⁶ Н. Г. Порфиридов уточняет, что погребения найдены «не далее 120 сажень от церкви».⁷ В архиве Новгородского музея хранится также план части Нередицкого холма с церковью Спаса и указанными границами для разработки карьера. На его основе можно примерно определить место находок и восточный край могильника.⁸ Сложнее обстоит дело с выяснением южной и западной границ. Правда В. Знаменский отмечает, что одно погребение было найдено «около первых барачков, что на самом холме около церкви Нередицы».⁹ Оче-

⁴ Научный архив (НГОМЗ). № 1970.

⁵ Там же. № 3546.

⁶ Там же. № 1970.

⁷ Там же. № 3546.

⁸ Там же. № 3376.

⁹ Там же. № 3408.



Рис. 2. Схема расположения раскопа на месте сопки.

видно, это погребение находилось вне карьера, тем более что «...холм Нередицкий был сильно изрыт выемками земли...». О принадлежности погребения к данному могильнику говорит находка с умершим «остатков какого-то сосуда», что является определенным хронологическим индикатором XI—XII вв.

Суммируя эти данные, нетрудно прийти к выводу, что локализация погребений налагается на местоположение вышеупомянутого «кургана», который указан «в 100 саженьях к востоку от церкви».¹⁰ Фактический же его азимут, судя по современному плану, — северо-восток, а расстояние равно примерно 200 м (рис. 1). Причиной несовпадения азимутов, по всей видимости, можно считать факт существенного отклонения ориентации церкви от линии запад—восток. Судя по всему, И. С. Романцев взял за точку отсчета ориентацию церкви, не учитывая этого отклонения.

В 1979 г. нами были проведены раскопки с целью уточнения характера данной насыпи.¹¹ До начала работ она представляла собой круглую в плане пологую возвышенность, несомненно, искусственного происхождения. Ее диаметр составлял 15—18 м при внешней высоте 0,5—0,7 м. Таким образом, со времен И. С. Романцева насыпь еще более пострадала от распашки.

У основания насыпи была заложена траншея размерами 4 × 18 м, ориентированная по линии север—юг (рис. 2, 3). По данным нивелировки падение уровня поверхности на данном участке в южном направлении было незначительным и составляло 0,15—0,32 м. Пахотный слой на вскрытом участке имел мощность 0,25 × 0,3 м и представлял собой супесь серого цвета. В южной части траншеи пахотный слой соприкасался с материком, состоящим из плотного желтого песка. По направлению к северу уровень материка довольно резко падал. Здесь, ниже пахоты, зафиксирован слой желто-серого мешаного песка, нижняя граница которого опускалась с обеих сто-

¹⁰ Романцев И. С. О курганах... С. 62.

¹¹ Конечный В. Я. Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1979 году (Архив РАН).

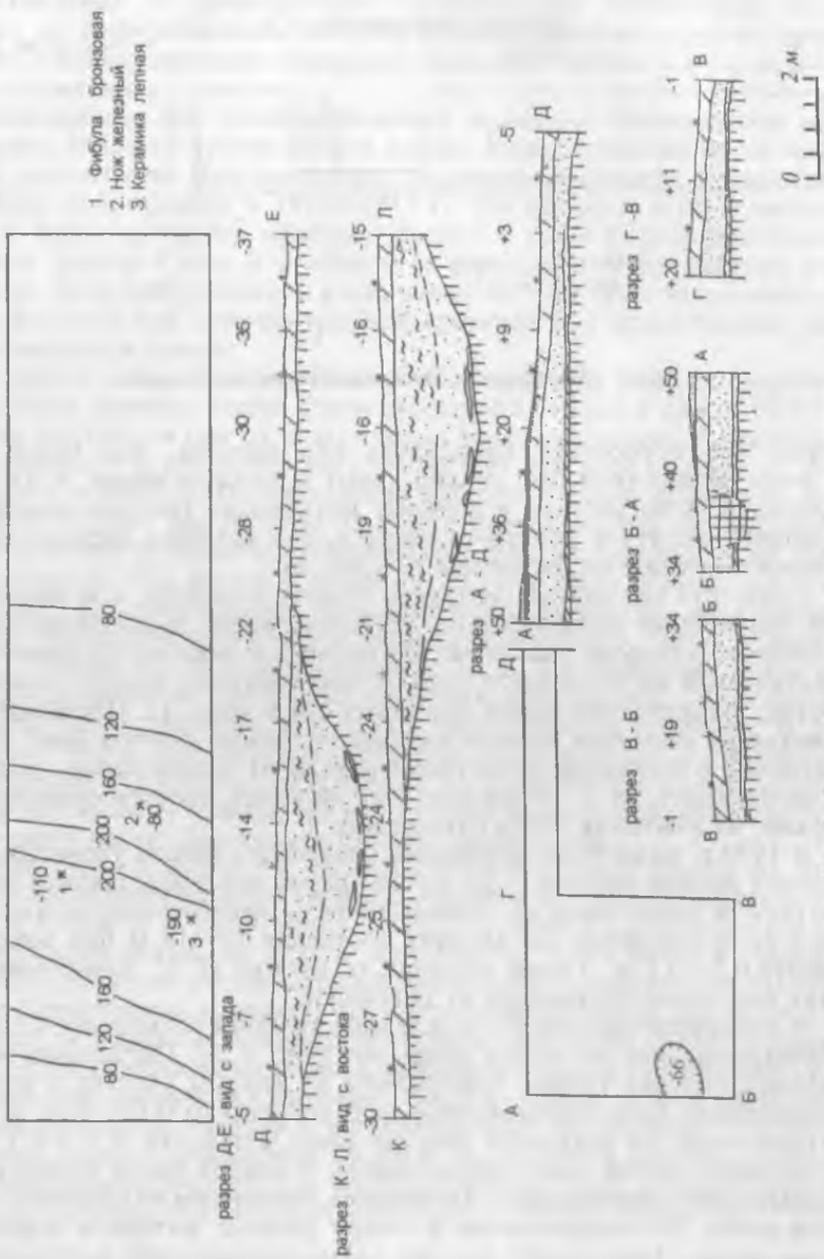


Рис. 3. План и разрезы раскопа на месте сопки.

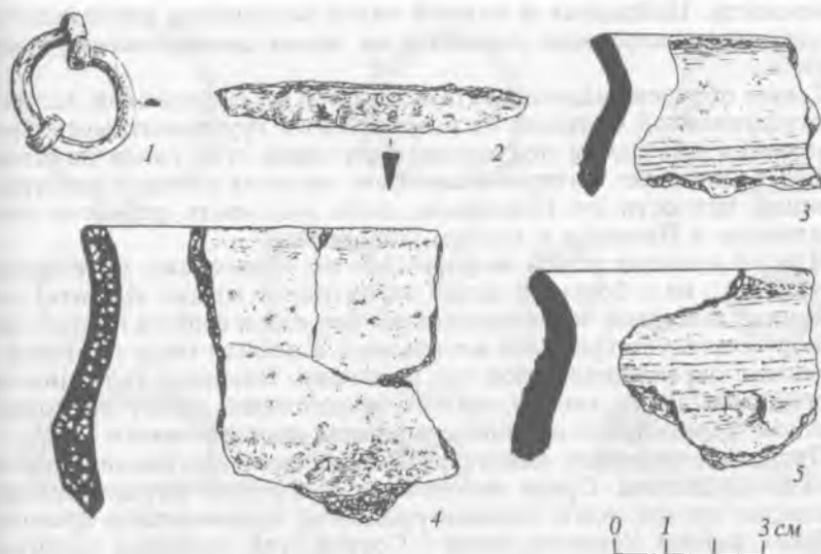


Рис. 4. Находки из рва сопки.

рон по направлению к центру (рис. 3). Максимальная его мощность составляла около 0,8 м. В этом слое было найдено несколько фрагментов лепной и раннегончарной керамики, а также нож и подковообразная фибула (рис. 4, 1—3, 5). Ниже располагался слой желтого рыхлого песка с максимальной мощностью в центре до 0,85 м и выклинивавшийся к северному и южному концам траншеи. В его нижней части, почти на уровне материка, фиксировались тонкие гумусные прослойки с включением углей. В этом слое было найдено несколько фрагментов лепной керамики, в том числе и венчик (рис. 4, 4).

В 5 м к северу от вышеописанной траншеи, уже в пределах возвышенности, был заложен шурф 4×4 м. На этом участке под дерном и перепаханном слоем залегал такой же желтый рыхлый песок мощностью 0,5—0,7 м. Ниже шла гумусированная прослойка толщиной до 0,15 м, являвшаяся, очевидно, погребенной почвой. Материк, как и в траншее, представлял собой плотный желтый песок. В северо-западной части шурфа была зафиксирована поздняя грабительская яма, углубленная в материк на 0,2 м. В северо-восточном углу поверх дерна наблюдался выброс из другой грабительской ямы.

Для уточнения характера исследуемого объекта и получения общего разреза одна из сторон шурфа была соединена с траншеей. На общем разрезе было прослежено, как погребенная почва прерывается за 2,2 м до начала падения уровня материка, что указывает на границу подрезки грунта при сооружении насыпи.

Вся совокупность данных показывает, что мы имеем дело с остатками разрушенной сопки. Это явствует из наличия рва, перерезанного траншеей и окружавшего частично сохранившуюся воз-

вышенность. Найденная в нижней части заполнения рва исключительно лепная керамика указывает на время возникновения этого объекта.

Таким образом, наличие остатков сопки на Нередицком холме в непосредственной близости от разрушенного грунтового могильника является еще одним подтверждением связи этих типов памятников.¹² Представляет интерес и сам факт наличия сопки в непосредственной близости от Новгорода, если учитывать редкость этих памятников в Поозерье и южном Поволжье.

Что же касается новой информации по грунтовому могильнику XI—XII вв., то с большой долей вероятности можно считать, что найденные в верхней части заполнения рва нож и фибула происходят из разрушенных погребений могильника и попали сюда случайно в результате перемещения слоя при распашке. Оценивая ситуацию на современном этапе, можно считать продолжение работ по поиску остатков Нередицкого могильника вполне перспективным.

Проблема вещевого инвентаря Нередицкого могильника также достаточно сложна. Среди источников для реконструкции состава коллекции прежде всего назовем предметы, хранящиеся в археологических фондах Русского музея.¹³ Состав этой подборки частично отражен на рисунке А. А. Спицына, находящемся в архиве ИИМК.¹⁴ В архиве Новгородского музея сохранился протокол заседания НОЛД от 14 июля 1917 г., в котором содержится перечень находок из могильника, представленных для ознакомления членам Общества.¹⁵ Судя по тексту данного документа, подобные демонстрации производились и на двух предшествующих заседаниях, однако их протоколы в деле отсутствуют. Сопоставление предметов из фондов Русского музея и перечня из протокола, безусловно, указывает на их частичное совпадение. В целом первоначальный состав коллекции был, очевидно, шире дошедшего до наших дней. О причинах этого судить сложно, хотя нельзя исключать факт разделения коллекции и передачи ее части в Новгородский музей, как это было сделано, например, с находками Л. Н. Целепи из курганов Полужья. Впоследствии все эти предметы были депаспортизованы, и выявление другой части нередицких находок, даже если они сохранились, маловероятно.

Случайность состава коллекции и отсутствие целостных комплексов Нередицкого могильника при анализе исторического значения этого памятника в настоящее время в определенной степени компенсируются материалами Деревяницкого могильника, давшего обильную информацию как относительно погребального инвентаря, так и обряда.¹⁶ Это позволяет сделать объективные сопоставления. Что ка-

¹² *Конецкий В. Я.* Некоторые итоги изучения древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 154—172.

¹³ ГРМ. Отдел древнерусской культуры. № А86, А148, А816, А817, А824, А827, А830.

¹⁴ Архив ИИМК. Ф. 5. № 387. Л. 89.

¹⁵ Архив НГОМЗ. № 1970.

¹⁶ *Конецкий В. Я.* Древнерусский грунтовый могильник у пос. Деревяницы около Новгорода // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 39—61.



Рис. 5. Вещевой инвентарь Нередицкого могильника.

сается погребального обряда, то в настоящее время не вызывает сомнений, что Нередицкий могильник был грунтовым. Данный пласт памятников является наиболее характерным для центральных районов Новгородской земли.¹⁷

По составу инвентаря Нередицкий могильник является типичным памятником пригородной зоны, где наряду с традиционными чертами, присущими всему Северо-Западу, отразилось и влияние город-

¹⁷ Конецкий В. Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тыс. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 3—5.

ской культуры. Что касается традиционного компонента, то он представлен ромбоштитковыми височными кольцами, типичными для западноновгородской зоны (рис. 5, 1, 3, 6). Здесь, как и в Деревяницком могильнике, полностью отсутствуют проволочные браслетообразные и средних размеров полуторооборотные кольца, составляющие заметный процент среди височных украшений на территории к востоку от Новгорода.

Общерусскими, но более связанными с городской средой являются бусинные височные кольца (рис. 5, 2, 5).

Традиционным является набор привесок-амулетов: различного типа бубенчики, трапециевидные привески, миниатюрная ложечка (рис. 5, 15—18, 11—12, 14). Кроме того, по описанию известны: «луница, орнаментированная каймой с рубчиками, привеска в виде уточки», а также «конек с длинной развевающейся гривой, опирающийся снизу на якорь».¹⁸ Последняя находка не поддается отождествлению с каким-либо из типов древнерусских привесок-амулетов. Один из способов ношения этих украшений предполагал использование цепедержателей (рис. 5, 22). Подобные предметы представлены в курганах Ижорского плато, а для центрального Приильменя нехарактерны.

Подобно привескам-амулетам использовались и предметы христианской культуры. К ним относится крестик со эмалевыми вставками и трехлопастным завершением концов — один из наиболее распространенных типов домонгольских крестов (рис. 5, 13). Напротив, круглая привеска-иконка с изображением Богоматери (к сожалению, известная лишь по описанию) является редкой находкой.¹⁹

К распространенным типам относятся браслеты, представленные витым трехпроволочным и пластинчатым со завязанными концами (рис. 5, 8, 10).

Среди двух перстней один — замкнутый, ложновитой, другой, достаточно редкий и дорогой, — литой, серебряный с полусферическим щитком, украшенный зерненым орнаментом в виде розетки (рис. 5, 7, 19). Близкий по стилистике перстень был найден в Деревяницком могильнике.

К предметам высококлассного городского ювелирного ремесла относится и полая серебряная бусина, украшенная зернью (рис. 5, 24). Остальные бусы стеклянные (мозаичные, многогранные, боченкообразная оранжевая, цилиндрическая золото-стеклянная) (рис. 5, 23, 25—27).

Предметы мужского убора представлены обычной лировидной пряжкой и накладками от поясного набора (рис. 5, 9, 20—21). Последняя категория находок представляет собой элемент репрезентативного мужского костюма и часто бывает связана с дружинной средой.

Имеющиеся предметы датируются XI—XII вв., что вполне укладывается в наши представления о развитии погребальной традиции в центральных районах Новгородской земли. С конца указанного периода (как опять-таки можно судить по материалам Деревяниц-

¹⁸ Архив НГОМЗ. № 1970.

¹⁹ Там же.

кого могильника) вещевой материал в погребениях практически исчезает, и поэтому вопрос о верхней дате Нередицкого могильника остается открытым.

В самом конце XII в. на Нередицком холме была построена каменная церковь Спаса и основан монастырь. Возможно, с этого времени могильник перестает функционировать, хотя однозначный вывод здесь невозможен.

В коллекции ГРМ имеется ряд предметов с Нередицкого холма, связь которых с могильником либо не бесспорна, либо явно отсутствует. К первым относится средневековый железный втульчатый ключ.²⁰ По Б. А. Колчину, подобные ключи бытуют с конца X по первую половину XIII в.²¹ Находки ключей отмечены в ряде погребений XI—XII вв. Новгородской земли, в том числе и в Деревяницком могильнике. С другой стороны, нельзя исключать возможности его связи с вышеупомянутым монастырем. По всей видимости, к более поздним предметам относится изогнутый псалий с кольцом, смещенным к одному из концов, отсутствующий в типологии А. Н. Кирпичникова, а также медная иконка, датированная Н. Г. Порфиридовым XVIII в.

Таким образом, Нередицкий могильник, судя по всему, является некрополем одного из пригородных сел и вряд ли имеет непосредственное отношение к Рюрикову городищу. О древней обитаемости этого участка говорит наличие сопки. Последние обычно располагаются в непосредственной близости от поселений. Наиболее перспективным местом для поиска селища, синхронного сопке и могильнику, является высокий берег р. Спасовки в пределах современной деревни. К этому добавим, что недавно остатки поселения XI—XIII вв. были зафиксированы на соседнем с Нередицким холме, где расположена д. Сельцо-Шатерно.

В заключение еще раз подчеркнем, что археологическое изучение Нередицкого холма нельзя считать завершенным. Несмотря на плохую сохранность памятников и искажение исторического ландшафта в результате антропогенного воздействия, перспективность целенаправленных изысканий не подлежит сомнению. В качестве конкретной ближайшей цели представляется целесообразным проведение полных исследований остатков сопки с ее последующей реконструкцией как одного из объектов экскурсионного показа. Он мог бы вместе с церковью Спаса составить единый, безусловно интересный, историко-археологический и архитектурный комплекс. Воссоздание нередицкой сопки видится тем более актуальным, поскольку ближайшие к Новгороду памятники такого рода (Хутынь и Береговые Морины) в настоящее время в значительной мере разрушены и не дают представления об этом уникальном пласте новгородских древностей.

²⁰ ГРМ. Отдел древнерусской культуры. № А141.

²¹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 161.